

И. А. КРЫЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Место Крылова в сознании его соотечественников настолько определено и незыблемо, что оно не было оспорено никем из его современников, не мог претендовать на это место и кто-либо из потомков¹ Уже при жизни Крылова утвердилась его литературная репутация как автора хрестоматийного, и в последствии вне зависимости от социально-политического устройства и господствующей идеологии на его баснях вырастали целые поколения Такое безусловное восприятие Крылова как единственного в своем роде явления выражается и в том, что его творчество недостаточно изучено в плане историко-функциональном, с точки зрения того, как оно входило в общественное сознание разных эпох Работы подобного рода весьма немногочисленны² Особенно важна проблема литературного освоения крыловского опыта его младшими современниками и писателями последующих поколений, потому что все русские литераторы, начинавшие после Крылова, «учились читать» (В Ф Одоевский) по его басням, которые становились для них своего рода обиходным языком; но этот язык у каждого автора — свой, и это «свое» в восприятии Крылова должно актуализироваться как предмет научного осмысления

Вопрос об освоении творческого опыта любого художника включает два уровня рассмотрения — типологический и генетический В нашем случае, когда речь идет о Крылове и Щедрина, типологическая близость писателей очевидна Свою иносказательную, басенную манеру Щедрин называл эзоповым или «рабым» языком и подобно Крылову использовал этот язык в сатирических целях Оба обладали своеобразным юмором, имеющим простонародную основу, отличающимся прямоотой и нестеснительностью, просторечной даже грубостью; Щедрин ярче, чем кто-либо другой, делает крыловское просторечие нормой литературной речи, хотя не ориентируется на Крылова, а выражает собственные творческие потенции Типологически сближаются они и на более глубинном, философском уровне И. З Серман замечает, что Крылов, «выросший на идеях Просвещения () остался сторонником разра-

¹ Известное суждение П. А. Вяземского было явно пристрастно, и впоследствии он сам вынужден был его корректировать

² См. Серман И. З. Литературная судьба Крылова // Рус литература 1970 № 4 С. 19—36, Ищук Г. Н. Л. Н. Толстой и И. А. Крылов // Иван Андреевич Крылов Калинин, 1971 С. 58—75, Привалова Е. П. И. А. Крылов и детская литература (К истории вопроса) // Там же С. 91—104, Курилов А. С. Методологические уроки В. А. Жуковского — критика, теоретика и историка литературы // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века М., 1988 С. 69—85

ботки общих вопросов философии жизни и практической этики в их социальном функционировании, а не в индивидуальной психологии. Человек его интересовал в обществе, и путь к познанию личности он видел через углубленное понимание общества, социального механизма в его конкретных национальных формах бытия».³ С известными поправками на изменившееся содержание литературного процесса и авторскую индивидуальность это справедливо и по отношению к Щедрину, который явился признанным мастером изображения социальной психологии.

В генетическом аспекте Крылов — один из непосредственных предшественников Щедрина. Можно говорить и о развитии Щедриным определенных жанровых традиций, которые, впрочем, не составляли особенность исключительно крыловского творчества, но были общими для сатиры XVIII века (пародирование официальных документов,⁴ жанры утопии и антиутопии, в том числе и «восточная повесть», и т. д.). В отечественном литературоведении можно найти некоторые замечания о связи сказок Щедрина с баснями Крылова;⁵ если же исследовать эту проблему, то, видимо, нужно ставить ее более широко и рассматривать в целом развитие системы иносказательных жанров. Несомненно также, что произведения Крылова служили одним из источников щедринской образности: так, с басней «Лягушки, просящие царя» соотносимы такие произведения Щедрина, как «История одного города» и сказка «Богатырь». Каждый из перечисленных подходов требует отдельного внимания, поэтому остановимся лишь на одном аспекте многосоставной проблемы «Щедрин и Крылов» и обратимся к упоминаниям о Крылове и его произведениях в щедринских текстах.

Прямые высказывания Щедрина о Крылове практически неизвестны. Всего лишь два раза его имя встречается в письмах — к Н. А. Белоголовому и Н. К. Михайловскому (от 13 и 14 февраля 1884 г.) в связи с цензурным запрещением сказок: «Выходит, что если б теперь Крылов писал свои басни, то редкую из них не заподозрили бы».⁶

Параллель знаменательная, так как показывает, что Щедрин осознавал свою типологическую близость Крылову, но это не дает возможности судить об общем восприятии творчества Крылова; основным источником для этого служат тексты щедринских произведений

³ Серман И. З. Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества Л., 1975 С. 223

⁴ См. Стенник Ю. В. Комментарии // Русская сатирическая проза XVIII века Л., 1986 С. 434, 438

⁵ Степанов Н. Басни Крылова М., 1969 С. 110—111, Бушмин А. Сказки Салтыкова-Щедрина Л., 1976 С. 16

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1977 Т. 19, кн. 2 С. 280. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте

Литературная репутация Крылова как автора хрестоматийного получила выражение в ряде произведений Щедрина, начиная с «Губернских очерков» и заканчивая «Пошехонской стариной» Никанор Затрапезный, характеризуя полученное им домашнее воспитание, замечает: «Несмотря на обилие книг, и тетрадей, которое я перечитал, я не имел ни малейшего понятия о существовании русской литературы () Ни хрестоматии, ни даже басен Крылова не существовало » (17, 67) Слово «даже» устанавливает ту роль, которая отводилась басням Крылова в общей системе воспитания дворянских детей Это одно из тех признаний героя, которое можно считать автобиографическим: семейные документы Салтыкова подтверждают, что изучение русской словесности не входило в систему домашнего образования детей или же находилось на ее периферии О М Салтыкова, будучи в отъезде, в письме от 22 июня 1834 г. делает наставления старшему сыну Дмитрию, чтобы он следил за обучением Николая и Михаила, которым надлежало каждый день по два часа заниматься музыкой, кроме того чистописанием на разных языках, рисованием, французской, немецкой и русской грамматикой, историей российской, всемирной, законом Божиим, риторикой — каждым предметом по два раза ⁷ Как видим, русская литература в этом списке не значится или же отнесена к разряду «и так далее», что подтверждает автобиографическую основу слов щедринского героя

Знакомство Салтыкова с русской литературой началось в московском Дворянском институте. Басни Крылова были включены в программу по русской словесности, которую Салтыков осваивал в первом семестре 1836—1837 года. В приведенном С. А. Макашиным учебном плане семестра значится: «Переложения из Крылова, все более и более отдаляющиеся от оригинала. »⁸ Образцы подобных заданий по русской словесности Щедрин впоследствии вводит в свои произведения в романе «Господа ташкентцы» можно прочесть о том, что учитель словесности задал «переложение в прозу басни „Дуб и Трость”» (10, 123). Вполне вероятно также, что для самого Салтыкова, как и для его персонажей, эти упражнения уже в юные годы не проходили бесследно, побуждая создавать собственные сочинения в басенном жанре. В незавершенном произведении «В больнице для умалишенных» рассказчик вспоминает, как обиженный своими школьными товарищами, «чтоб узвить их (.) » написал басню под названием „Философ и стадо ослов”, в которой выставил себя в выгодном свете „философа”, а товарищам предоставил играть роль „ослов”» (10,

⁷ Макашин С. А., Никитина Н. С. Из родового архива Салтыковых. Материалы для биографии писателя // Салтыков-Щедрин 1826—1976. Статьи. Материалы. Библиография. Л., 1976. С. 255

⁸ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949. I. С. 90

631). Характерно, что в качестве формы литературной самозащиты избирается басня (а не эпиграмма, например), как жанр, по всей вероятности актуализированный учебной программой. О преподавании словесности в Царскосельском лицее, где продолжилось и завершилось «публичное воспитание» Салтыкова, можно судить по книгам, написанным его лицейским преподавателем П. Г. Георгиевским. В курсе истории литературы свое место занимает и Крылов, удостоенный высоких оценок и похвал. В его баснях признаются «светская наблюдательность, ум, прелесть рассказа», «национальный колорит», отмечается неувядаемость его таланта «Несравненный наш баснописец И. А. Крылов не перестает давать нам мудрые уроки...»⁹ Это представление об учительности крыловских басен определенным образом преломилось в творчестве Щедрина.

Тот запас басен Крылова, который Щедрин вынес из школьных лет, он активно включает в свои произведения. Другие жанры крыловского творчества напрямую не отражаются в щедринских текстах, хотя, безусловно, известны ему, в его произведениях Крылов закрепляется в своей самой яркой и общепризнанной ипостаси. Репертуар басен Крылова у Щедрина в целом невелик — всего около двадцати. Приведем их примерный список в порядке частоты использования: «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Лев и Комар», «Пустынный и Медведь», «Два Голубя», «Орел и Пчела», «Ларчик», «Сочинитель и Разбойник», «Лжец», «Лягушка и Вол», «Дуб и Трость», «Осел и Соловей», «Петух и Жемчужное зерно», «Три Мужика», «Лисица и Виноград», «Обоз», «Музыканты», «Огородник и Философ». Однако количественный фактор не показателен. Другие авторы (будь то Пушкин или Державин) также выборочно представлены в щедринских текстах. Дело не в количестве используемых произведений, но в принципах их освоения.

Включение «чужого слова» в собственный текст интерпретационно и диалогично в своей основе, ибо содержит в разной степени выраженное отношение к этому слову. Для того чтобы понять особенности текстообразующего диалога Щедрина — в данном случае с Крыловым, необходимо учитывать, кто является носителем речи. В произведениях Щедрина субъектом речи выступает автор, рассказчик или герой, причем рассказчик практически никогда не является alter ego автора, хотя часто ему доверено собственно авторское слово, поэтому целесообразно говорить о двух субъектах речи — авторе и герое (включая рассказчика и лишь особо оговаривая те слу-

⁹ *Георгиевский Петр* Руководство к изучению российской словесности В 4 ч СПб, 1836 Ч IV С 290, 294 Белинский иронически назвал эту учебную книгу «бесподобной» (Белинский В Г Полн собр соч В 13 т М, 1955 Т VI С 345) Иронически относился к своему лицейскому наставнику и сам Салтыков

чай, когда рассказчик является носителем авторского слова). Функции «чужого слова» и степень его преобразования различны в речи автора и героя.

Голос автора наиболее непосредственно звучит в литературно-критических статьях и рецензиях, а также в публицистических статьях и некоторых очерковых циклах, где отмечено обращение к таким басням Крылова, как «Пустынник и Медведь», «Осел и Соловей», «Лжец», «Обоз», «Ворона и Лисица», «Два Голубя», «Лягушка и Вол». Имя Крылова встречается в авторской речи лишь в двух произведениях: в рецензии на брошюру «О русской правде и польской кривде», где Крылов назван как автор басни «Пустынник и Медведь», и в рецензии на сборник Я. П. Полонского «Сноп», где разбирается аллегория «Ночь в Летнем саду», одним из действующих лиц которой оказывается ожившая статуя Крылова. Аллегория Полонского и отклик на нее Щедрина стали очередными репликами в том диалоге, который завязался между ними несколько ранее, в 1869 г., с выходом в свет двухтомного собрания сочинений Полонского и критическим отзывом на него Щедрина, учтенным Полонским в его поэтической аллегории. Ни имя, ни слово Крылова в этой рецензии не имеют для Щедрина какого-либо эстетического или идеологического значения и опосредованы содержанием «злосчастной фантазии» Полонского. Характеристика же Крылова, данная собственно от лица рецензента, не идет вразрез с объективной и общепризнанной его оценкой — «знаменитый баснописец».

Крыловское слово обычно вводится в форме цитаты или реминисценции и даже не всегда графически обозначается как «чужое». Излюбленное выражение Щедрина — цитата из басни «Ворона и Лисица»: «от радости в зобу дыханье сперло», которая используется как ироническая характеристика упований и вожделий, например, газеты «Русский листок»: ей «хочется, чтобы кто-нибудь об ней побеседовал. Во-первых, это послужит ей вместо объявления, а во-вторых, от радости у ней стеснится в зобу дыхание...» (5, 268). То же в очерке «Клевета» — в пассаже о глуповцах, с восторгом внимающих клевете: «Дыхание спирается от радости в их зобах; им сладко и жутко от этих рассказов» (3, 471). Крыловское слово органически усваивается новым текстом, устраняется видимая дистанция между «своим» и «чужим словом», и в таких случаях «заимствование» не всегда отмечается комментаторами.¹⁰ Цитата из басни «Ворона и Лисица» возникает и в речи

¹⁰ Не комментируются крыловские реминисценции из басни «Ворона и Лисица» в очерке «Клевета» (3, 471) и «Дневнике провинциала в Петербурге» (10, 299), а также реминисценция из басни «Петух и Жемчужное зерно» в «Письмах к тетеньке»: «Мы до такой степени восчувствовали, что нигде, кроме навозной кучи, уж и не чаем обрести жемчужное зерно» (14, 338).

героя-рассказчика: «Карьера! Это слово спирало в зобу дыхание» (10, 181); «Прокоп вдруг заволновался, и несколько секунд я думал, что у него от гнева сперло в зобу дыхание» (10, 299) — крыловская формула приобретает расширительный смысл, становясь ироническим обозначением не только радости, но вообще слишком сильных эмоций.

«Чужое слово» в речи автора используется как будто в качестве «фигуры и украшения», как риторический прием, в действительности же является выражением диалогической позиции приятия. Так, в текст одной из хроник «Нашей общественной жизни» вводится неточная цитата из басни «Орел и Соловей». В рассуждениях о «картонной жизни», подменяющей собой настоящую, возникает аллегорический образ жерновов «без мелева», запас которых в конце концов истощается: «это доказывается тем, что жернова перестают стучать сами собой, без всякой принудительной причины, а вслед за жерновами

умолкли ручейки
И улеглись стада » (6, 83)

Аналогичным образом в текст рецензии на роман Л. А. Ожигиной «Своим путем» включена неточная цитата из басни «Стрекоза и Муравей»: «Покуда разлитое море существует, покуда „под каждым листком готов и стол и дом“, только люди очень развитые могут критически относиться к такому благодатному положению...» (9, 373). В подобных случаях крыловское слово служит естественной принадлежностью авторской речи, что проявляется и в синтаксическом строении конструкций, где «свое» и «чужое слово» равноправны.

В авторской речи преобладают не сентенции крыловских басен, а стихи, создающие какой-то яркий, запоминающийся образ. И только в незавершенном наброске «Когда страна или общество...», рассуждая о лести и непредусмотрительном отношении к ней «баловней фортуны», Щедрин прибегает к сентенции: «Но эта самая непредусмотрительность, давая меру глупости и ошалелости „баловней фортуны“, служит объяснением, почему

Уж столько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна — и все не впрок

Не впрок, потому что лесть сладка, а вероломство стоит где-то за горами» (13, 634). Мораль крыловской басни является звеном в общей цепи рассуждений о лести как одной из составляющих частей «многоактной трагедии» под названием «Трепет» (трепет — лесть — вероломство) и служит необходимым смысловым толчком для дальнейшего развития темы. Подобную ассимиляцию крыловского текста наблюдаем, когда напоминание о содержании басни становится аргументом в полемике. В «Ответе г. Ржевскому» Щедрин возражает свое-

му оппоненту, говоря об ошибках, которые могут допускать мировые посредники: «...ошибки бывают различные по своим последствиям, ибо и медведь, ударивший пустытника камнем в лоб, в сущности сделал только ошибку, а не преступление» (5, 128).

Совершенно иначе выглядит крыловское слово в речи персонажей. Знаменательно прежде всего, что в обиходе щедринских персонажей доминирует басенная мораль, они апеллируют к тому дидактическому, нравоучительному смыслу, который заложен в баснях. Герои Щедрина, пробуя себя на стезе законодательства (Микаладзе в «Истории одного города» и отставной корнет Толстолобов в «Дневнике провинциала»), тешатся изречением из басни «Орел и Пчела». Микаладзе завершает свое сочинение «О благовидной всех градоначальников наружности» словами: «...я же, рассказав, что знаю о начальнической благовидности, утешаю себя тем,

Что тут и моего хоть капля меду есть » (8, 432)

Аналогичным образом подводит резюме в своем проекте «О необходимости децентрализации» корнет Толстолобов: «Излагая все сие, не ищу для себя почестей, но буду доволен, ежели за все подъятые мною труды представлено мне будет хотя единое утешение — утешение сказать: „И моего тут капля меду есть”» (10, 332). Для «культурных людей» Щедрина басенная мораль является приемлемой и лестной и служит оправданием, даже обоснованием их занятий и жизненных установок.

В большом ходу у щедринских персонажей моральные сентенции из басен «Лев и Комар», «Два Голубя», «Ларчик», «Сочинитель и Разбойник», «Три Мужика». Герои цикла «Недоконченные беседы» рассказчик и Глумов обмениваются мнением о молодом поколении, и если рассказчик пытается представить его как некую силу, то Глумов всячески опровергает это:

«— Для нас важно одно: сила это или не сила?

— Сила... комариная!

— Комариная... позволь! Но ведь и комар иногда может... вспомни-ка басню о комаре и льве!

— Так ведь тот комар умный был! он в самую мякоть залез! а наши земские комары и места-то такие излюбили, откуда их всего удобнее смахнуть можно! Смахнул — и нет его!» (15, кн. 2, 156—157). Мораль басни «Лев и Комар» заключена в словах: «Мстят сильно иногда бессильные враги». В диалоге щедринских героев крыловские персонажи получают конкретно-историческое осмысление, и эта своеобразная инновация создает эффект зримого разоблачения: само понятие «земские комары» — яркий образ реальной общественной ситуации. Эта же басня в незавершенном продолжении «Дневника провинциала» («В больнице для умалишен-

ных») вводится для объяснения такого психологического феномена, как «наслаждение вымучиванием»: «Процесс порабощения совершается с помощью таких нехитрых средств, которые могут вызвать только изумление или улыбку сожаления. Но эти нехитрые средства обманчивы и напоминают собой басню о комаре, залезшем в нос к льву. Вот и силен лев, а дрянной комаришко победил его. Он забрался в укромное место и вызудил-таки из него жизнь...» (10, 637). Характерно, что произведение Крылова именуется «басней о комаре и льве», тогда как ее истинное название — «Лев и Комар». Интерпретация осуществляется с помощью инверсии, вероятнее всего ненамеренной, но расставляющей басенных персонажей по своим местам.

Щедринские персонажи постоянно корректируют Крылова, и такое вольное обращение с крыловским словом оказывается насколько обычным, настолько же и функционально значимым. Персонажи не просто придерживаются басенных сентенций, но перетолковывают их в соответствии со своими потребностями. Яркий пример тому — цитируемый ниже фрагмент из романа «Современная идиллия».

«Давно, очень давно дедушка Крылов написал басню „Сочинитель и разбойник“, в которой доказал, что разбойнику следует отдать предпочтение перед сочинителем, и эта истина так пришлась нам ко двору, что с давних времен никто и не сомневается в ее непререкаемости. Позднее тот же дедушка Крылов написал другую басню „Три мужика“, в которой образно доказал другую истину, что во время еды не следует вести иных разговоров, кроме тех, которые, так сказать, вытекают из самого процесса еды. Эту истину мы долгое время малодушно пренебрегали, но теперь, когда теория и практика в совершенстве выяснили, что человеческий язык есть не что иное, как орудие для выражения человеческого скверномыслия, мы должны были сознаться, что прозорливость дедушки Крылов никогда не обманывала его» (15, кн. 1, 19).

Щедринский рассказчик по-своему интерпретирует смысл крыловских произведений. Он предельно упрощает мораль басни «Сочинитель и Разбойник», выраженную в словах: «Перед твоей ничто его вина», которые вне контекста могут быть поняты так, как это представлено в романе: «разбойнику следует отдать предпочтение перед сочинителем». Сам Щедрин эту басню прочитывал по-иному. В одной из авторских деклараций, сделанных от лица рассказчика-дяди в очерке «Первое мая» («Круглый год»), заявлено: басня «Сочинитель и Разбойник» «самым существованием своим доказывает, что заслуг литературы оспорить нельзя» (13, 457); таким образом, для Щедрина эта басня становится одним из аргументов в обосновании исключительного места литературы в жизни.

Весьма вольно обходится герой «Современной идиллии» и с басней «Три Мужика»: совершенно игнорируя иносказание,

он реализует лежащую в основе произведения метафору и выводит новую мораль. Дидактический урок басни Крылова — «Иному, до чего нет дела, О том толкует он охотнее всего», в романе Щедрина совсем другое: во время еды следует вести разговоры о еде. Такой отказ от обобщений, т. е. от сути крыловского слова — одно из проявлений той изменности существования, которой подчиняют себя герои Щедрина, избрав «подвиг гожения». Очень важно здесь признание об истинах, которые «приходятся ко двору», в основе этого признания мысль об особенностях восприятия «чужого слова»: человек понимает то, что способен понять, что укладывается в систему его представлений, а то, что ей не соответствует, он перетолковывает и приспособливает к своим потребностям — именно так и поступают щедринские персонажи с баснями Крылова. Об этом «подчинении» «истин, высказываемых литературой, истинам, провозглашаемым улицей», писал Щедрин в статье «Насущные потребности литературы» (9, 97).

В романе «Современная идиллия» находим и другого рода инновацию — инновацию крыловского персонажа, продолжение его жизни в новом литературном тексте. В драме о злополучном пискаре возникает старая лягушка, «та самая, которая когда-то

{ } на лугу увидевши вола,
Задумала сама в дородстве с ним сравняться { }

но, вопреки свидетельству дедушки Крылова, не лопнула { } а явилась в настоящем деле главной доносчицей» (15, кн 1, 231). Как было замечено А. А. Жук, этот образ крыловской лягушки опосредован катковскими изданиями, в которых он использовался «для обозначения деятельности революционного лагеря»¹¹. Салтыков же «переадресовывает эту сатирическую характеристику самому Каткову, пародируя в речи лягушки тематику и стиль его передовиц»¹².

Все упоминания о Крылове в «Современной идиллии», как и в ряде других произведений Щедрина, в устах персонажей сопровождаются прозвищем «дедушка», которое с легкой руки П. А. Вяземского было, по его словам, «усвоено всею Россией»¹³. Это прозвище, как предвидел В. Г. Белинский, стало «народным именем» Крылова,¹⁴ остается таковым и поныне. В

¹¹ Жук А. Сатирический роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Саратов, 1958. С. 123.

¹² Жук А. А., Соколов К. И. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1973. Т. 15, кн. 1. С. 370.

¹³ Вяземский П. А. Сочинения. В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 85.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. VIII. С. 114. Заметим, что на появление в другую историческую эпоху «дедушки Ленина», вероятно, повлияло существование «дедушки Крылова», которое придавало новому словосочетанию необходимую положительную коннотацию.

речевом обиходе персонажей Щедрина существует еще один устойчивый словесный штамп, шаблон восприятия — «старик Державин». Это слово заимствовано из Пушкина, но у него «старик» не прозвище, а конкретная реалья. У Щедрина оно становится прозвищем и тоже своего рода «народным именем», словосочетание инновировается, приобретая налет фамильярности и некий иронический оттенок. В таком использовании имен Державина и Крылова определенным образом сказался биографический опыт Щедрина, его школьные воспоминания, наложившие также отпечаток схоластики и на имена Ломоносова, Карамзина, Жуковского. Подобным школьным грузом обременены и щедринские персонажи, и этим, вероятно, объясняется их почти «родственное» отношение к старым знакомцам. По модели «старик Державин» возникает и «старик Крылов». Механизм этого новообразования обнаруживается в пьесе «Тени», где один из персонажей заявляет: «Люблю старика Державина! А еще больше люблю старика Крылова (...) délicieux!» (4, 344).

Упоминания о Крылове часто сопровождаются обычным для разных персонажей комментарием — присоединением к его словам, одобрением того, что было им сказано: «А ларчик просто отворялся, сказал дедушка Крылов, и сказал истину святую» (3, 370); «А между тем, как говорит бессмертный наш баснописец Крылов: ведь ларчик просто открывался!!!» (10, 332). «Старик Крылов был прав» — таковы и исходная посылка, и умозаключение; персонажи Щедрина используют из Крылова те «истины», которые «пришлось им ко двору», для них басенные сентенции — это свод удобной в быту житейской мудрости, той мудрости, которую Щедрин именует «азбучной». Фамильярные прозвания Крылова, оценочные его характеристики в речи персонажей служат для Щедрина средством разоблачения определенного жизненного уклада и правил, средством осмеяния житейской пошлости. Превращение крыловских изречений в сознании благонамеренного большинства в «эмпирические афоризмы» типа «уши выше лба не растут» выглядит как надругательство над словом, над высокой миссией литературы.

Щедрин показывает, что это вытверживание басен Крылова как свода немудреных житейских правил начинается с малолетства. В «Господах ташкентцах» будущий «солидный человек» Миша Нагорнов на каверзный вопрос учителя, какая часть речи «Осел и Соловей», с готовностью отвечает: «„Осел и Соловей” — это заглавие одной из самых нравоучительных басен дедушки Крылова» (10, 177).¹⁵ Детское восприятие «де-

¹⁵ См. также (в черновом варианте незавершенного очерка из «Благонамеренных речей») об «адвокате-пауке», занимающемся «юридическим сводничеством»: «Какой-нибудь Ерофеев, который не может двух слов сказать связно (...) Ерофеев, который, будучи в школе, фразу „Осел и соловей” спрягал как

душки Крылова» многие персонажи Щедрина пронесут через всю жизнь, не только не подвергая сомнению усвоенные азы, но и находя в авторитетном слове оправдание и поддержку. Таков в позднем цикле «Мелочи жизни» «солидный читатель». Он «сыплет афоризмами самого первоначального свойства, цитирует пословицы, в которых преимущественно замыкается мудрость веков», и среди этих «азбучных поучений» оказываются басни Крылова:

«— Э, батюшка! и мы проживем, и дети наши проживут — для всех будет довольно и того, что есть! На насиженном-то месте живется и теплее и уютнее — чего еще искать! Старик Крылов был прав: помните, как голубь полетел странствовать, а воротился с перешибленным крылом? Так-то вот.

В этих немногих словах высказывается весь кодекс „солидной“ житейской мудрости; но так как он единственный, который не требует ни размышлений, ни исканий, то на него существует спрос. И ежели вы возразите, что так называемое „покойное проживание“ представляет собой только кажущееся спокойствие, что в нем-то, пожалуй, и скрывается настоящая угроза будущему и что, наконец, басня о голубе есть только басня и не все голуби возвращаются из поисков с перешибленными крыльями, то солидный человек и на это возражение в карман за словом не полезет» (16, кн. 2, 146—147).

Крыловское слово здесь подвергается двойному комментированию, герой и автор выражают противоположные мнения: герой одобряет — автор опровергает. Но Щедрин полемизирует не с самим крыловским словом, а с его применением, с превращением его в формулу соглашательства и отказа от поисков истины. Очерк «Солидный читатель» связан с другой главой цикла — с написанным несколько ранее рассказом «Чудинов», которому предпослан эпитафический из басни «Два Голубя»: «Нет, вздумал странствовать один из них, лететь...» (16, кн. 2, 122). История Чудинова — это щедринский рассказ о «голубе», который отправился «увидеть, осмотреть Диковинки земного круга», и финал его недолгих жизненных странствий оказался трагичен. В противовес будущей «трезвенной» реплике «солидного читателя»: «чего еще искать!» горькой эпитафией звучит финальная фраза: «Умер человек, искавший ответа и обретший — смерть» (16, кн. 2, 132). Обращение к басне «Два Голубя» в «Мелочах жизни» отвечает общим принципам функционирования крыловского слова в текстах Щедрина, в том числе и особенности использования этого слова персонажами, которые извлекают из басен нравоучительные уроки. Вполне вероятно, что на щедринское отношение к

глагол? (. .) Поумнел ли он по крайней мере с тех пор? Сделался ли развитее и образованнее? Нет, ни то, ни другое. Он и до сих пор продолжает спрягать „Осел и соловей“. » (11, 630).

басне не как к «нравоучительному роду» мог повлиять Белинский, утверждавший, что басня не как нравоучение, но как сатира «есть истинный род поэзии».¹⁶ Это преимущественно сатирическое предназначение басни Щедрина усиливает, делая крыловское слово одним из средств разоблачения.

Значимость крыловского слова для Щедрина несомненна, но каково же все-таки его восприятие личности Крылова? Ответом на этот вопрос в какой-то мере может служить рассказ Буеракина («Владимир Константинович Буеракин») о некоем крутогорском чиновнике, чья физиономия напоминает «добродушно-насмешливое лицо Крылова». Это восприятие лица, а стало быть, и личности Крылова тоже своеобразный штамп, бытование которого определялось прежде всего тоном крыловских басен, но также и прижизненной мифологизацией его образа, получившей поддержку и в прозвище «дедушка», и в распространенных портретных изображениях. Но Буеракин буквально отождествляет чиновника со знаменитым баснописцем и называет его «крутогорским Крыловым» не только на основании портретного сходства. Он рассказывает о его «бескорыстном и нелюбезном» служении обществу, которое заключается, например, в том, что, когда мимо проходит губернский аристократ, «он вполголоса произносит ему вслед только два слова: „Хоть куда!“ — но этими двумя словами он приносит обществу неоцененную услугу. Во-первых, эти слова очищают воздух от тлетворных испарений, которые оставляет за собой губернский аристократ, а во-вторых, они огорошивают самого аристократа, который поспешно подбирает распущенный хвост, и из нахального петуха становится хоть на время скромною индейкой...» (2, 308). Это было написано в тот период, когда Салтыков следовал своей теории «малых дел», пытаясь «практиковать либерализм в самом капище антилиберализма» (16, кн. 2, 322), и в словах героя выражена точка зрения автора. Однако и все последующие обращения Щедрина к Крылову показывают, что с годами это мнение не изменилось и для него Крылов навсегда остался человеком, чье слово «очищает воздух от болотных испарений».

¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VIII. С. 575